

УДК 94:003.081.3

СУМАРОКОВА Ольга Леонидовна — к.и.н., докторант Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Киевская, 44; futureya@rambler.ru)

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СЛУЖАЩИХ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в Туркестанском генерал-губернаторстве Российской империи в связи с нехваткой квалифицированных кадров со знанием языков коренных народов региона для службы в административной и судебной сферах края. Прибегая к услугам местных толмачей и многократно констатируя факты их недобросовестной работы, администраторы края пребывали в постоянном поиске новых форм и методов привлечения внимания туркестанского чиновничества к туземным языкам. Однако усилия не приносили ожидаемых результатов, что обуславливало подрыв авторитета русской власти в глазах местного населения, а также тормозило имперские культуртрегерские проекты, ориентированные на модернизацию региона. В статье рассмотрены причины индифферентности российского чиновничества к лингвистическим и экстралингвистическим вопросам, а также непоследовательности органов власти в преодолении сложившихся обстоятельств.

Ключевые слова: Туркестанский край, Российская империя, административные служащие, чиновничество, лингвистическая подготовка, толмачи, переводчики, туземные языки, «мягкая сила»

В связи с учреждением 11 июня 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего обширные территории Средней Азии, остро осознанной стала нехватка лиц, знакомых с местными языками, нравами и обычаями народов края, а также с естественноисторическими и торгово-промышленными условиями в Средне-Азиатском регионе. Генерал-лейтенант, военный востоковед, историк и лингвист М.А. Терентьев в предисловии к своему лингвистическому труду «Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская» (1875 г.) правомерно указывал на то, что «Россия заключает в себе до 8 000 000 людей, говорящих наречиями тюркского и персидского корня. Большую часть своих границ Россия соприкасается к странам, где господствуют восточные языки. <...> Все это, казалось бы, должно было поставить восточные языки на степень необходимых в числе предметов, преподаваемых в наших школах, а между тем это не так ...» [Грамматики... 1875: 1].

К концу XIX в. русских людей, проживавших в Туркестанском крае, которые усвоили местные наречия, обычаи, историю и этнографию, как показывали опросы, были единицы. При выяснении мотивов, подвигнувших их на такое изучение, оказалось, что русский купец изучал язык, чтобы его не обманул маклер-сарт, а служащие путем изучения языка стремились избавиться от переводчиков и сберечь затрачиваемые на их наем деньги.

Впервые вопрос о том, что в основе изучения туземных языков Туркестанского края должен лежать не только узколичностный мотив, но и просоциальный, связанный с осознанием общественной пользы от результатов данной деятельности, был поставлен на одном из общих собраний членов Ташкентского отделения общества востоковедения. Как было заявлено, «для упрочения русского влияния в крае необходима двойная работа, движение навстречу друг другу двух главных групп местного населения» [Лыкошин 1916: 28], т.е. как изучение русского языка коренными жителями Туркестанского края, так и знакомство с туземными наречиями служилого русского люда.

Факт незнания туземных наречий многими служащими администрации Туркестанского края был отмечен в приказе туркестанского генерал-губернатора за № 46 от 1906 г. как «явление ненормальное и требующее воздействия со стороны высшей власти в крае» [Лыкошин 1916: 31]. Приказ при этом не упоминал о необходимости знания туземных языков для других служащих в крае, а между тем оно являлось столь же необходимым землемеру, лесничему, врачу, судье и следователю, вынужденным прибегать в своей работе к услугам толмачей. «А уж хуже этого, — отмечал Терентьев, — трудно что-нибудь придумать» [Грамматики... 1875: 1-2].

Как правило, должность переводчика занимали сибирские, оренбургские киргизы и татары — выходцы из Казани, уклонявшиеся от рекрутского набора: «проходимцы, смелые авантюристы, люди грубые, без всякого понятия о нравственности и справедливости»¹. В периодической печати конца XIX в. нередко появлялись заметки о «скудности их нравственных качеств». «Соврать, перевернуть, умышленно передать другое и тут же на глазах в присутствии самого чиновного лица научить своего клиента туземца, что следует отвечать на слова противника или должностного лица — дело совершенно легкое для этих пройдох-переводчиков, знающих скольконибудь наши законы и слывающих в туземной среде за законников»², — сообщалось в одной из статей. Очень скоро народ убедился, что «тальмач» всемогущ и имеет большой вес и кредит в среде туземцев, чем сами начальники-чиновники.

Не меньшим злом являлась невежественность переводчиков. В.П. Наливкин в очерке «Туземцы раньше и теперь» констатировал факт, что волостные управители и казии, получая бумаги, написанные этими переводчиками, часто были не в состоянии разобрать, о чем в них идет речь, причем было отмечено несколько случаев, когда из-за некачественного перевода «наш [русский] суд впадал в грубые ошибки, осуждая безусловно невинных людей» [Наливкин 1913: 60-61].

Данные обстоятельства неминуемо вели к подрыву авторитета русской власти в крае. Саттар-хан Абдулгафаров, «ученый туземец», первый коренной туркестанец, освоивший русский язык, называл деятельность подобных переводчиков «первым далеко не [без]вредным орудием по управлению краем», акцентируя внимание еще на одной их наклонности: «делая перевод с русского языка на туземный, все советы, пояснения или увещевания властей передаются почему-то непременно в духе приказания, причем этому способу передачи слов начальника придают особый оттенок, иногда даже весьма резкий, не терпящий никакого возражения или объяснения со стороны туземцев. Так что туземец, слыша слова переводчика, приходит в замешательство и робость и уходит с упавшим духом, вполне веря, что это исходит от начальства» [Арапов 2004: 174].

За этими «нужными» для администрации и туземцев людьми вскоре закрепилась столь некрасивая репутация, что звание переводчика, совмещавшее в себе представления о невежестве, пролазничестве и продажности, сделалось почти позорным [Наливкин 1913: 60].

Противодействовать такому положению дел, казалось, можно было с большим успехом. Для начала достаточным представлялось, чтобы «из лиц благонамеренных, отличающихся хорошо, нравственною жизнью, подготовлялись порядочные переводчики», обучение которых успешно стало осуществляться с 1883 г. на курсах восточных языков, учрежденных для офицеров при учебном отделении восточных языков Азиатского департамента МИДа, и в Ташкентской офицерской

¹ Стремоухов Н. Туркестан и его жизнь. — *Восточное обозрение*. 1882. № 19. С. 5.

² Письма из Туркестана. — *Восточное обозрение*. 1882. 9 сентября. № 24. С. 8-9.

школе восточных языков, а также чтобы «русские, служащие в Туркестанском крае, также не брезгали туземными наречиями»¹.

Первые усилия в попытке преодолеть инертность служащих администрации и привлечь их внимание к туземным наречиям были приложены Н.О. Розенбахом, который 21 февраля 1884 г. был назначен на должность туркестанского генерал-губернатора. В своих «Записках» он говорил о том, что, «желая по возможности содействовать распространению русского языка в населении», он вместе с тем «требовал от чинов русской администрации, имеющей непосредственные сношения с туземцами, изучения туземных наречий» [Записки... 1916: 192]. Для этого в 1886 г. в областных городах им были учреждены курсы изучения сартовского языка, что в итоге оказалось не слишком эффективной мерой. А чуть ранее, в 1883 г., курсы по изучению местных языков для русскоязычного населения уже были открыты в Ташкентской учительской семинарии.

Как следует из воспоминаний Н.С. Лыкошина, действовавшие в Ташкенте под руководством талантливого лектора В.П. Наливкина курсы для офицеров и чиновников 2 года подряд собирали по 50 человек слушателей. Обучение языку сопровождалось и иллюстрировалось беседами о туземных обычаях и декламацией стихов, но в конце каждого семестра оставалось 2–3 человека, у остальных же не хватало терпения посвящать свои досуги изучению чуждого языка только ради чистого знания. Кроме того, по условиям жизни и служебной работы в уездах во многих уездных городах организация курсов для изучения туземных языков оказалась совершенно невозможной.

Образованная в 1906 г. комиссия по вопросу о распространении среди служащих знания местных наречий считала, что этого можно добиться, к примеру, от офицеров посулами выгод, связанных с переходом на службу в администрации. Однако выгоды службы в администрации оказались не настолько велики, чтобы побудить достаточное число офицеров приступить к изучению языка.

Воспользоваться опытом британского правительства в Индии, состоявшим в выплате регулярных премий в размере 500 рупий служащим за знание тибетского языка, предлагал Н.С. Лыкошин. «Денежные премии и полная свобода выбора способов изучения требуемых для получения премии предметов дадут более ощутительные результаты, чем курсы» [Лыкошин 1916: 34–35], — убеждал он. Мотивация в этом вопросе должна была сыграть не последнюю роль. Работая над проектом русско-туземных школ, туркестанские администраторы смогли лично убедиться, насколько важно было сформировать у местного населения мотивационный комплекс к изучению русского языка, в основе которого лежало осознание полезности владения языком и перспектив личностного развития [Сумарокова 2015: 229].

Предлагая отдать лингвистическую подготовку на откуп соискателям должностей, Лыкошин, исходя из личного опыта, считал разумным требовать от них в 3-летний срок минимума знаний, который включал бы умение вести беседу с просителями, читать их прошения, писать и объявлять резолюции, а кроме того, запас сведений о быте, обычаях, истории и юриспруденции местных мусульманских народностей в объеме, обусловленном служебными потребностями соискателя должности.

Отсутствие у служащих Туркестанского края экстралингвистических знаний отчасти являлось причиной того, что ни один масштабный проект по изменению системы контроля над духовной жизнью туркестанских мусульманских подданных так и не был реализован. Индифферентно относясь ко всем проявлениям туземной жизни, администраторы очень охотно удовлетворялись готовыми фор-

¹ Стремоухов Н. Указ. соч. С. 6.

мулами, услужливо преподносившимся «знатоками» туземного мира, не знавшими ни языка, ни религии, ни быта, ни истории коренных народов и выдавшими последних лишь из окон своих квартир или канцелярий.

В изданном 8 августа 1898 г. циркуляре № 10 С.М. Духовской признавался, «что многие из лиц служащие как в войсках так равно по административно-полицейскому и другим отделам гражданского управления Туркестанского края, недостаточно знакомы с самыми существенными чертами ислама и обуславливаемой им организацией религиозного быта мусульманского населения, определяющего собой весь порядок их внутренней жизни. Между тем при соприкосновении всякого рода властей с туземцами и их жизнью подобные знания оказываются существенно необходимыми для избежания различных недоразумений и иногда крупных промахов»¹.

Одним из самых глубоких заблуждений, фактически обусловившим бесконтрольность функционирования в течение всего имперского периода мусульманских конфессиональных школ Туркестанского края, на наш взгляд, являлась уверенность в том, что «мусульманство как догмат ничтожно и не представляет ничего опасного нашим (государственным. — О.С.) целям»².

Спустя 4 десятилетия ситуация не претерпела существенных изменений. Самостоятельно овладевали языками народов Туркестанского края единицы энтузиастов. Н.П. Остроумов в 1910 г. с прискорбием признавал, что большинство русских, проходивших службу в Туркестанском крае, оказались плохими культуртрегерами, «не только не подготовленными к своей службе в иноплеменном и иноверном крае, но и не стремящимися выходить из узкой рамки чиновников, смотрящих на службу в Туркестане, как на этап в своей служебной карьере» [Остроумов 1910: 159].

Проблема крылась не только в поведенческих особенностях русского чиновничества, остро высмеянных русскими классиками, но и в инертности органов власти, так и не пришедших к осознанию того, что наряду с экспортом российского образования, продвижением русского языка и распространением общероссийских культурных ценностей в Средней Азии, создание условий для овладения служилым людом Туркестанского края языками местных народов являлось столь же эффективным и необходимым инструментом реализации здесь «мягкой силы», способной кардинально изменить результаты конфессиональной и образовательной политики Российской империи в регионе.

Список литературы

Арапов Д. 2004. «Необходимо... заняться образованием края» (Саттар-хан Абдулгафаров о задачах русской политики в Средней Азии). — *Вестник Евразии*. 2004. № 1. С. 169-184.

Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская. В 2 кн. (сост. М. Терентьев). 1875. СПб: Типография императорской академии наук. Кн. 1. 209 с.

Записки Н.О. фон-Розенбаха. 1916. — *Русская старина*. № 5. С. 173-239.

Лыкошин Н.С. 1916. *Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения*. Петроград: Тип. Б.Д. Брунера. 415 с.

Наливкин В.П. 1913. *Туземцы раньше и теперь*. Ташкент: Электрическая типо-литография «Туркестанского Товарищества Печатного Дела». 146 с.

Остроумов Н. 1910. Колебания во взглядах на образование туземцев в

¹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1724. Л. 2.

² Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб, 1885. С. 177.

Туркестанском крае (Хронологическая справка). – *Кауфмановский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана 1-го*. М.: Типо-литография Т-ва Кушнерев и К°. С. 140-161.

Сумарокова О.Л. 2015. *Эволюция языковой политики Российской империи в Туркестанском крае (по материалам Киргизстана)*. Бишкек: Изд-во КРСУ. 265 с.

SUMAROKOVA Olga Leonidovna, *Cand.Sci.(Hist.)*, Doctoral Candidate, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (44 Kievskaya St, Bishkek, Kyrgyz Republic, 720000; futureya@rambler.ru)

TO THE QUESTION OF LINGUISTIC TRAINING OF ADMINISTRATIVE OFFICIALS OF TURKESTAN

Abstract. The article discusses the situation in the Turkestan due to lack of qualified personnel with knowledge of languages of indigenous peoples to serve in administrative and judicial spheres of the province. Resorting to the service of local interpreters and repeatedly stating the facts of their unsatisfactory execution, administrators of the region were in constant search of new forms and methods of attracting attention of officials of Turkestan to the languages of indigenous peoples. However, efforts in this direction did not bring expected results that determined undermining the authority of Russian power in the eyes of the local population, and inhibited Kulturträger ambitions of the Russian Empire focused on the modernization of the region. The article discusses the causes of indifference of Russian officials to the linguistic and extra-linguistic issues as well as inconsistency of the authorities in dealing with the current circumstances.

Keywords: Turkestan, Russian Empire, administrative employees, officials, language training, interpreters, translators, native languages, soft power

УДК 94(510)08+303

КУРАС Леонид Владимирович – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; kuraslv@yandex.ru)

ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ В СОСТАВЕ ИМПЕРИИ ЦИН: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО (XVII – НАЧАЛО XX в.)

Аннотация. В статье рассматривается внутренняя политика династии Цин и взаимоотношения органов власти Китая и Внутренней Монголии в период маньчжурской династии, изучается особый режим власти. Отмечается, что в условиях возрастания интереса России и Японии к региону и роста влияния буддизма во Внутренней Монголии сформировался специфический тип общественно-политических отношений.

Ключевые слова: Монгольская империя, Китай, империя Цин, Внутренняя Монголия, Внешняя Монголия, Российская империя, Синьхайская революция

Проблема вертикали власти в Цинской империи является объектом изучения современной отечественной историографии. При этом упор делается на систему управления Внешней Монголии [Бадараев 2015]. Между тем Внутренняя Монголия имела свою, отличную от Внешней Монголии специфику во внутренней политике Цинской империи и уже потому требует специального внимания.